попросила бы его поговорить с Заявителем, не проявила бы инициативу, то признательные показания бы не появились. Таким образом, действия информатора были специально направлены на то, чтобы подавить волю Заявителя, которого поместили в такую ситуацию, где было трудно не высказаться (постоянные допросы полицейских и т.д.). ЕСПЧ решил, что доказательства, полученные с участием информатора, не должны были использоваться в процессе, соответственно, имеет место нарушение ст. 6 ЕКПЧ.

Необходимо также сравнить указанную выше позицию с оценкой ЕСПЧ дела Быкова, где речь идёт об использовании в процессе против Заявителя записи, которую сделал информатор полиции с помощью скрытого в его одежде микрофона. По мнению ЕСПЧ, в отличие от предыдущего в данном деле не была нарушена ст. 6 ЕКПЧ, так как разговор между заявителем и его приятелем (информатором) записывался не в целях подавления воли подозреваемого и преодоления его отказа от сотрудничества со следствием. Заявитель сам пригласил своего друга в дом, где они вели разговор о совместных делах.

1. Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. // СЗ РФ. 2001. № 2. С. 163.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // СПС КонсультантПлюс.
3. Allan v. United Kingdom. Application № 48539/99. Judgment of 5 November 2002.
4. Vanyan v. Russia. Application № 53203/99. Judgment of 15 December 2005.
5. Popov v. Russia. Application № 26853/04. Judgment of 13 July 2006.
6. Khudobin v. Russia. Application № 59696/00. Judgment of 26 October 2006.
7. Ramanauskas v. Lithuania. Application № 74420/01. Judgment of 5 February 2008.
8. Bykov v. Russia. Application № 4378/02. Judgment of 10 March 2009.
9. Bannikova v. Russia. Application № 18757/06. Judgment of 4 November 2010.
10. Veselov and Others v. Russia. Application № 23200/10, 24009/07, 556/10. Judgment of 2 October 2012.
11. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. И. Л. Петрухина, И.Б. Михайловской. М.: Проспект, 2014;
12. Лапатников М.В. Спорные вопросы толкования критерия пассивного поведения сотрудников правоохранительных органов в контексте позиций Европейского суда по правам человека по вопросу об ограничении правомерного оперативно-розыскного мероприятия от провокации // Российская юстиция. 2016. № 3.
13. Осипов А.Л. Судебная проверка жалоб на полицейскую провокацию: применение процессуальных стандартов ЕСПЧ в уголовном судопроизводстве РФ // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 7.
14. Стандарты справедливого правосудия (международные и национальные практики) / под ред. Т.Г. Морщаковой. М.: Мысль, 2012.
15. Осипов А.Л. Реализация требований статьи 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод при рассмотрении уголовных дел судом первой инстанции: дисс. канд. юр. наук, Москва, 2010.
16. The official site of the European Court of Human Rights. Violations by Article and by State 2015: http://www.echr.coe.int/Documents/Stats_violation_2015_ENG.pdf.
17. Guide on Article 6 (criminal limb) of the European Convention on Human Rights. Strasbourg: Council of Europe/European Court of Human Rights. Para. 92 // http://www.echr.coe.int/Documents/Guide_Art_6_criminal_ENG.pdf

Митина М.А.

Правовые последствия наличия параллельных процессов в международном гражданском процессуальном праве: особенности доказывания условий применения

*Санкт-Петербургский государственный университет
(Россия, Санкт-Петербург)*

doi: 10.18411/lj-04-2019-125

ids: lj-04-2019-125

Аннотация

В статье рассматриваются правовые последствия наличия параллельных тождественных процессов, базирующихся на конкурирующих правилах международной подсудности судов различных государств. При этом определяются и системно анализируются особенности процесса доказывания условий применения судами данных

правовых последствий как процессуальных фактов. Дополнительная специфика предмета исследования связана с особенностями доказывания в трансграничных процессах.

Ключевые слова: параллельные процессы, конкурирующие процессы, тождественные споры, международная подсудность, трансграничные процессы, доказывание процессуальных фактов.

Abstract

The article deals with the legal implications of parallel identical proceedings based on competing rules of international jurisdiction of courts of different states. At the same time, the specifics of the evidence of the conditions for such implications in civil proceedings as procedural facts are determined and systematically analyzed. Additional specifics of the subject matter of the study are related to the peculiarities of the law of evidence in parallel multi-national proceedings.

Key words: parallel proceedings, identical disputes, competing proceedings, international jurisdiction, multi-national proceedings, proving procedural facts.

Вопрос о процессуальных последствиях наличия параллельных процессов может рассматриваться в контексте проблематики внешнего тождества исков или проблематики действия законной силы судебного решения или проблематики взаимосвязи процессов или проблематики определения судебной компетенции. В пределах международного гражданского процессуального права (международного гражданского процесса) и постановка самого вопроса, и аспекты его освещения конкретизируются с учётом специфики регулирования этой области права. Соответственно в международном гражданском процессуальном праве ставится вопрос о процессуальных последствиях параллельных процессов в судах различных государств, а контекстной для его изучения становится проблематика: квалификации элементов иска, его индивидуализации и определения применимого для этого права; признания действия законной силы иностранного судебного решения и определения её пределов; взаимосвязи трансграничных процессов [42, с.63-82; 33, с.14, 180, 197-199]; международной подсудности. Так, в классическом курсе по международному гражданскому процессу этот вопрос рассматривается в главе под названием «Международная подсудность и связанные с ней вопросы» [25, с.122-127; 26, с.526-528; 1, с.315-321; 69, с.80-82]. Такой подход представляется уместным и целесообразным, поскольку последствия наличия иностранного процесса или решения по тождественному иску применимы только в случае, если за рубежом процесс возник по надлежащей международной подсудности. Условия надлежащей международной подсудности в различных правовых системах и в международных договорах могут определяться по-разному. Распространённым вариантом является проверка только того, не нарушена ли исключительная международная подсудность судов государства, в котором разрешается вопрос о применении последствий наличия параллельных процессов. Обращает на себя внимание и системное размещение норм о процессуальных последствиях наличия параллельных процессов в судах различных государств в российском праве (ст. 406 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК) и ст. 252 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее – АПК) в главах 44 ГПК и 32 АПК, предметом регулирования которых является международная подсудность.

В данной статье вопрос о процессуальных последствиях параллельных процессов в судах различных государств также рассматривается в контексте проблематики международной подсудности. При этом мы исходим из того, что международная подсудность является отдельным аспектом судебной компетенции и соответственно – самостоятельной предпосылкой процесса и отдельным правовым институтом [28, с.211-259]. И при этом только институт международной подсудности целиком относится к области регулирования международного гражданского процессуального права. Содержание института международной подсудности направлено на разграничение компетенции между судебными (юрисдикционными) органами различных государств.

Очерчивая содержательные границы статьи, отметим те факторы, с учётом которых предпринималось данное исследование. Во-первых, оно предопределено рассмотрением международной подсудности как одной из предпосылок процесса и соответственно одного из условий реализации права на обращение в суд за судебной защитой. Во-вторых, в нём речь идёт о процессе, протекающем в порядке гражданского судопроизводства по делам с участием иностранных лиц или наличием иного иностранного элемента. В-третьих, предметом рассмотрения в данном случае является субинститут процессуальных последствий наличия параллельных процессов в судах различных государств как одно из правовых проявлений международной подсудности как предпосылки надлежащего процесса, российского или иностранного.

При отсутствии между государствами международных договоров, разграничивающих компетенцию их судов, либо при зафиксированной в международных договорах альтернативной международной подсудности может возникнуть и нередко возникает позитивный конфликт компетенции. А тогда существенное значение приобретают следующие процессуальные вопросы: каковы последствия наличия в иностранном суде процесса по делу между теми же сторонами о том же предмете и по тем же; каковы последствия наличия уже вступившего в законную силу решения иностранного суда по тождественному иску? История развития субинститута международной подсудности *lis alibi pendens* прошла два основных этапа, характерные и для развития института международной подсудности в целом [30, с.43-53]: 1) применение по аналогии правил регулирования внутренних гражданских процессуальных отношений для целей международного гражданского процесса; 2) введение специального регулирования. Судьба чисто внутренних дел при подобных обстоятельствах решается соответственно их окончанием в форме оставления заявления без рассмотрения согласно абз. 5 ст. 222 ГПК, п. 1 ч. 1 ст.148 АПК или в форме прекращения производства по делу согласно абз. 3 ст. 220 ГПК, п. 2 ч.1 ст.150 АПК. Соответствующие регулирование о процессуальных последствиях рассмотрения иностранным судом дела по спору между теми же сторонами, о том же предмете и по тем же основаниям в настоящее время дифференцировано и содержится в ч. 1 и ч. 2 ст. 406 ГПК, ч. 1 и ч. 2 ст. 252 АПК.

Практика большинства государств при решении проблемы *lis alibi pendens* в аспекте международной подсудности исходит из того, что факт наличия иностранного процесса по тождественному иску только тогда должен приниматься во внимание судами данного государства, когда не исключено последующее признание и/или исполнение иностранного решения в данном государстве. В настоящее время отмечается «общая тенденция признания принципа *lis alibi pendens* в России, в странах континентальной Европы, в странах, воспринявших правовые системы европейских государств, в странах общего права, а также практика закрепления этого принципа в международных договорах» [42, с.67; 27, с.95, 324-325, 359, 630; 8, с.86; 70, с.1-32]. Выражением общей тенденции является ст. 29 обновлённого Регламента Парламента и Совета Евросоюза «О юрисдикции, признании и принудительном исполнении судебных решений по гражданским и коммерческим делам» от 12 декабря 2012 г. № 1215/2012 (далее – Регламент Евросоюза 2012 года). Принципиальным дополнением регулирования нового Регламента Евросоюза, касающимся конкурирующих производств, является расширение применения установленных правил в отношении государств, не входящих в Европейский союз [70].

В ряде международных договоров о правовой помощи с участием Российской Федерации были учтены потребности практики в разрешении этой проблемы. В Минскую конвенцию о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам государств Содружества Независимых Государств от 22 января 1993 г. (далее – Минская конвенция), а позже – в одноимённую Кишинёвскую конвенцию от 7 октября 2002 г. (далее – Кишинёвская конвенция) была включена норма о том, что в случае возбуждения производства по тождественному делу в судах двух государств, компетентных в соответствии с Конвенцией, суд, который возбудил дело позднее, прекращает производство (п. 3 ст. 21, п.3 ст. 23 указанных конвенций соответственно).

Аналогичное регулирование присутствует и в ряде двусторонних договоров о правовой помощи (далее – ДПП): с Азербайджаном, Латвией, Молдовой и др.

В свою очередь отсутствие решения иностранного суда по тождественному иску и отсутствие ранее возбуждённого в иностранном суде процесса по тождественному иску следует рассматривать и как отдельные негативные предпосылки процесса в судах Российской Федерации по аналогии с регулированием п. 2 ч. 1 ст. 134, абз. 3 ст. 220 ГПК; п. 5 ч. 1 ст. 135, абз. 4 ст. 222 ГПК, п. 1 ч.1, ч. 2 ст. 148 АПК. В пункте 2 ч.1 ст.150 АПК в качестве одного из оснований для прекращения производства по делу прямо предусматривается следующее: «имеется вступивший в законную силу принятый по спору между теми же сторонами, о том же предмете и по тем же основаниям судебный акт компетентного суда иностранного государства, за исключением случаев, если арбитражный суд отказал в признании и приведении в исполнение решения иностранного суда». Эту норму можно только приветствовать. Лишний раз подчеркнём, что в ней помимо прочих условий её применения указывается на наличие судебного акта компетентного (курсив наш – М.М.) суда иностранного государства. При этом необходимо оговориться, что компетенция в этой норме может подразумеваться только в аспекте международной подсудности. Позднее соответствующая норма появилась в п. 2) ч. 1 ст. 127.1 АПК.

Кроме того, отсутствие параллельных процессов в судах Российской Федерации, как завершённых судебным решением, так и продолжающихся, следует рассматривать как негативные предпосылки признания и/или приведения в исполнение решения иностранного суда (п. 5 ч. 1 ст. 412 и ст. 413 ГПК; п. 4, 5 ч.1 ст.244 АПК). Аналогичное регулирование содержится в ряде двусторонних договоров о правовой помощи РФ, в Минской конвенции (ст.52 и 55), в Киевском соглашении о порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности, государств Содружества Независимых Государств от 20 марта 1992 г. (п. а) и б) ст.9).

Составы процессуальных правоотношений, урегулированных в ч. 1, 2 ст. 406 ГПК и ч. 1, 2 ст. 252 АПК, п. 5 ч. 1 ст. 412 и ст. 413 ГПК; п. 4, 5 ч. 1 ст. 244 АПК, ст. 412, 413 ГПК и ст. 244 АПК предполагают установление процессуальных фактов, прежде всего – обосновывающих условия надлежущей международной подсудности. А поскольку основным механизмом установления фактов в судебном процессе является их доказывание, рассмотрим некоторые

особенности процесса доказывания при рассмотрении российскими судами вопросов, связанных с наличием параллельных процессов в судах других государств. Процесс судебного доказывания предполагает наличие предмета доказывания по делу, субъектов доказывания и распределение бремени доказывания между ними, инструментарий доказывания (средства доказывания и правила представления, раскрытия, собирания, исследования, оценки доказательств).

С учётом традиционного выделения стадий процесса правоприменения [38, с.426; 4, с.6-7; 50, с.149-152; 57, с.56; 34, с.32; 54, с.8-9] применение института международной подсудности включает: установление фактических обстоятельств (фактического (юридического) состава) – получение малой посылки силлогизма; установление юридической основы – получение большой посылки силлогизма; разрешение какого-либо вопроса международной подсудности – дача логического заключения. «Процессуальное» правоприменение имеет свои особенности. Во-первых, субъектом применения норм процессуального права выступает суд – один из участников процессуальных правоотношений. Во-вторых, оно совмещается с применением норм материального права. Таким образом, «создаётся процесс в процессе» [19, с. 15].

Разносторонней проблематике процессуальных юридических фактов посвящены многие известные научные труды [3, 6, 9, 11, 15, 20, 22, 39, 49, 52, 53, 55, 57]. В основном эта проблематика востребована в связи с изучением таких основополагающих вопросов теории гражданского процессуального права, как предпосылки возникновения гражданских процессуальных правоотношений; процессуальные действия как юридические факты; понятие, функции, структура норм гражданского процессуального

права; возбуждение гражданского дела; доказывание процессуальных юридических фактов. Первыми специальными исследованиями, определившими особенности процессуальных юридических фактов и конкретные их виды, стали работы В.Н.Щеглова и А.Ф.Козлова. Комплексным исследованием процессуальных юридических фактов является указанная работа В.В.Яркова. Мы опирались на эти научные разработки для целей определения фактических составов при применении правил международной подсудности.

Процессуальные юридические факты – это конкретные жизненные обстоятельства, предусмотренные нормой процессуального права и порождающие различные процессуальные последствия [57, с.31]. При этом определённые процессуальные последствия порождает, как правило, не единичный процессуальный юридический факт, а их совокупность, одним из которых обязательно является действие суда. Эта совокупность взаимодействующих юридических фактов и составляет процессуальный юридический состав. Поскольку международная подсудность является предпосылкой возникновения международного гражданского процесса, главным правовым последствием наличия надлежащей международной подсудности является возбуждение гражданского дела с наличием иностранного элемента. Отсутствие международной подсудности порождает отказ в возбуждении дела; на более поздних этапах процесса в суде первой инстанции – может привести к окончанию производства по делу без вынесения судебного решения и возможному обжалованию соответствующего определения, и разрешению вопроса о международной подсудности в судах вышестоящих инстанций. Следующие возможные последствия – обжалование судебного решения по мотивам нарушения норм процессуального права о международной подсудности и соответственно – пересмотр судебного решения в судах вышестоящих инстанций с вынесением постановлений. При этом в настоящее время следует учитывать правовую позицию, выраженную в п. 18 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2017 г. № 23 и основанную на принципе эстоппель [61].

Более отдалённые последствия действия заключённых в нормах международной подсудности юридических фактов могут быть связаны с признанием и исполнением иностранного судебного решения, а также с решением вопроса о последствиях параллельных процессов в судах различных государств. Таким образом, фактические обстоятельства, лежащие в основе правил международной подсудности, действуют в соответствующих сложных юридических составах, в том числе в трансграничных процессах.

Реализация права на обращение в суд за судебной защитой в конкретном процессуальном отношении предполагает установление судом конкретного фактического состава, что необходимо для возбуждения дела в суде. В связи с этим методологически востребованной оказывается приводимая в доктрине классификация фактических обстоятельств, порождающих правовые последствия, на юридические факты и юридические условия [16, с.9-14; 56, с.153-154; 57, с.102]. Её практическое значение сказывается, в частности, и при распределении обязанностей по доказыванию процессуальных юридических фактов.

Согласно этой научной концепции, юридические условия возникают до появления юридических фактов и способны долгое время быть потенциальными, не порождая каких-либо последствий. Общие юридические условия при обращении в суд приобретают качество конкретных юридических фактов, образуя вместе с другими юридически значимыми фактическими обстоятельствами сложный юридический состав [57, с.111-112]. По мнению В.В.Яркова, к числу общих юридических условий, определяющих возникновение права на обращение в суд, относятся процессуальная правоспособность и подведомственность [57, с.102-103]. В настоящее время ставится вопрос о том, что подведомственность уже не носит характера общего условия возникновения права на обращение в суд, поскольку судебная форма защиты права стала универсальной, а право на судебную защиту приобрело абсолютный характер. Для нашего исследования важным

является определение в рамках данной классификации статуса международной подсудности. При этом предварительно следует отметить, что выделение указанных общих условий права на обращение в суд за судебной защитой характерно для гражданского процессуального права. С этой стороны мы должны будем признать, что международная подсудность как фактическое обстоятельство, необходимое для осуществления права на обращение в суд, носит характер специального юридического условия. В этом проявляется существенная взаимосвязь между гражданским процессуальным правом и международным гражданским процессуальным правом. С другой стороны, для международного гражданского процессуального права наиболее характерным условием права на обращение в суд является международная подсудность, которая входит в подавляющее большинство юридических составов.

Юридические условия представляют собой обстоятельства длительного воздействия в отличие от юридических фактов, которые носят разовый характер и своим осуществлением исчерпывают себя. Далее, после возбуждения процесса по конкретному делу ранее установленные юридические факты, свидетельствующие о правомерности процесса (в том числе о его международной качестве юридических условий. По общему правилу, суд презюмирует правомерность совершения предшествующих процессуальных действий – юридических условий, но вправе проверять законность и обоснованность их осуществления [56, с.14-15]. Истец доказывает только те процессуальные юридические факты, которые входят в конкретный юридический состав и порождают соответствующие последствия. Ответчик же вправе опровергать как эти юридические факты, так и общие юридические условия возникновения процессуального правоотношения (подведомственность, правоспособность истца), и другие фактические обстоятельства, исследованные ранее и поэтому не входящие в конкретный фактический состав, например, не только недееспособность истца, но и отсутствие полномочий у представителя и иные процессуальные юридические факты, указанные в ст.134, 135, 220, 222 ГПК РФ [57, с.154] и соответственно 127.1, 129, 148, 150 АПК.

Надлежащая международная подсудность – один из конкретных фактов сложного юридического состава, который необходимо установить для возникновения первого гражданского процессуального правоотношения. При этом следует отметить, что этот факт входит в общий предмет доказывания по делу, поскольку подлежит установлению с помощью доказательств и влияет на правильное рассмотрение и разрешение дела судом в целом (абз.1 ч.1 ст.55 ГПК, абз.1 ч.1 ст.64 АПК). Этот факт, как и все процессуальные факты, которые необходимо установить для реализации права на предъявление иска (на процесс), имеют значение и для реализации права на иск. Поэтому нельзя признать, что он носит вспомогательный характер, как полагают некоторые авторы [23, с.39, 79; 17, с. 129]. Некоторые авторы выделяют помимо предмета доказывания пределы доказывания, в которые и помещают процессуальные юридические факты [2, с.64-65; 44, с.51-52; 46, с.18-19]. Целый ряд учёных, с которыми следует согласиться, включают процессуальные факты в предмет доказывания по делу [18, с.67-69; 7, с.217-218; 14, с.133; 56, с.145-146]. Основные положения теории доказательственного права применимы и к процессуальным юридическим фактам [56, с.144-156; 57, с.73-84]. Так, субъектами доказывания процессуальных юридических фактов является тот же круг лиц, что и при доказывании материально-правовых юридических фактов: лица, участвующие в деле, судебные представители, суд. При доказывании процессуальных фактов действует общее правило распределения бремени доказывания. Об этом свидетельствует и судебная практика (например, п. 9, 10 Информационного письма Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 г. № 158 [62]).

Так, при возражении *lis alibi pendens* по основанию наличия решения иностранного суда по тождественному иску необходимо представить это вступившее в законную силу решение. Истец должен доказать факт наличия международной подсудности судов данного государства. Однако в некоторых случаях субъектом доказывания процессуальных фактов является суд. Так, по смыслу ст. 406 ГПК и 252 АПК суд, установив юридические факты, указанные в гипотезах данных норм, обязан применить

последствия *lis alibi pendens*. То есть ходатайство о совершении данного процессуального действия может исходить от заинтересованной стороны, но суд вправе решить этот вопрос по собственной инициативе.

Безотносительно к оценке сложившихся в правовой действительности Российской Федерации процессуальных порядков разрешения вопроса о применении соответствующих последствий российским судом в случае наличия параллельного судебного процесса за рубежом определим специфику формирования предмета доказывания по делам, связанным с применением последствий наличия параллельных процессов за рубежом.

Представляется, что самостоятельный характер института *lis alibi pendens* в международном гражданском процессуальном праве предполагает, что вопрос об условиях применения последствий в случае наличия параллельного процесса за рубежом рассматривается российским судом, в котором предъявлен тождественный иск. Для сравнения отметим, что в законах ряда государств в специальной статье предусмотрены оба проявления *lis alibi pendens*: и в отношении незавершённого процесса, и в отношении вынесенного за рубежом судебного решения. Так, в п.3 ст.9 Закона о международном частном праве Швейцарии указывается: «Швейцарский суд прекращает производство, как только ему предъявлено иностранное решение, годное к признанию в Швейцарии» [27, с.630].

По смыслу ст. 406 ГПК и ст. 252 АПК вступившее в законную силу решение иностранного суда должно служить основанием для отказа в приёме искового заявления к производству (ч.1 ст.406 ГПК) и прекращения производства по делу (ч.1 ст.406 ГПК, ч.2 ст.252 АПК) по тождественному иску при условии, что данное иностранное решение подлежало бы признанию и/или исполнению на территории РФ. При этом в норме АПК прямо указывается на признание и приведение в исполнение решения иностранного суда в соответствии со ст. 244 АПК, которая предусматривает основания для отказа в признании и приведении в исполнение решения иностранного суда в порядке экзекватурирования. В соответствии с п. 2 ч.1 ст. 150 АПК наличие вступившего в законную силу принятого по тождественному спору судебного акта компетентного суда иностранного государства является основанием прекращения производства по делу, за исключением случаев, если арбитражный суд отказал в признании и приведении в исполнение решения иностранного суда (курсив наш – М.М.). Тем самым обосновывается необходимость проведения предварительного процесса по заявлению о признании и приведении в исполнение решения иностранного суда, с вынесением положительного для заявителя определения, имеющего преюдициальное значение для разрешения вопроса о применении последствий *lis alibi pendens*. Но именно такой подход нашёл своё выражение в п. 8 Информационного письма Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2005 г. № 96 [63]. При этом особо следует отметить, что в таком случае будут учитываться все предпосылки для признания и приведения в исполнение решения иностранного суда, вытекающие из содержания ч. 1 ст. 244 АПК и, исходя из них, формироваться предмет доказывания.

Формулировка ч. 1 ст. 406 ГПК на этот предмет отличается от её ч. 2: условием её применения является наличие международного договора Российской Федерации, предусматривающего взаимное признание и исполнение решений суда. Представляется, что в данном случае отличным является порядок установления этого условия. Это может сделать российский суд, в который обратились с тождественным иском, а не суд, к функциональной компетенции которого относится разрешение вопросов о признании и приведении в исполнение иностранных судебных решений.

Если исходить из того, что ст. 406 ГПК предполагает самостоятельную процедуру признания [10, с.108-114; 12, с.23-34; 24, с.15-17, 153-155; 25, с.167-169; 51, с.381-385, 453-457] иностранного судебного решения с учётом специфических целей института *lis alibi pendens*, то, необходимо определить целесообразные условия такого признания. Суд, прежде чем отклонить рассмотрение иска как недопустимое, должен сделать прогноз о подсудности иностранного суда, надлежащего извещения заинтересованных лиц о

процессе и наличия общего правового основания признания и/или приведения в исполнение иностранного решения – существующего или потенциального. В Российской Федерации таким правовым основанием прежде всего является международный договор о взаимном исполнении судебных решений. Только при наличии международного договора иностранное судебное решение получает такую же юридическую силу, как и решение российского суда со всеми вытекающими последствиями (ч. 5 ст. 13, ч. 1 ст. 409 ГПК; ч. 4 ст. 16, ч. 1 ст. 241 АПК РФ; ст. 11 Федерального закона «Об исполнительном производстве» [60], а также п. 3 ст. 6 Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации» [58]).

В разных правовых системах признание и/или исполнение иностранных судебных решений допускается на условиях существования международного договора или взаимности. Действующее российское законодательство придерживается первой позиции. Законы о международном частном праве Италии (ст. 64, 67), Швейцарии (ст. 25, 28), ГПК Литвы (ст. 810) не выдвигают никаких общих условий, даже условия взаимности [27, с.337-338; 633, 634; 32, с.188]. Об основаниях и перспективах использования в РФ более либеральных подходов в этой области пишут А.И.Муранов [31, с. 17-19, 61-70], И.В.Дробязкина [10, с.106-107, 115-117], Д.В.Литвинский [24, с.173-185], Р.В.Зайцев [12, с.143-159]. Условие взаимности в свою очередь в зависимости от выбранного правового подхода может либо презюмироваться, либо подлежать доказыванию.

Сам состав процессуального правоотношения, урегулированного в ч. 1 ст. 406 ГПК, предполагает установление факта вступления решения иностранного суда в законную силу. Недостатком регулирования ч. 1 ст. 406 является отсутствие указания на соблюдение правил исключительной международной подсудности судов Российской Федерации.

Практически невозможно дать прогноз о признании в части такой предпосылки признания будущего судебного решения, как непротиворечие иностранного судебного решения публичному порядку государства суда, который разрешает вопрос о последствиях *lis alibi pendens*. В этой связи заслуживает положительной оценки подход, предлагаемый Х.Шаком: «...следует также доверять иностранному судебному производству, предполагая его согласованность с национальной оговоркой о публичном порядке, а не редкую противоположность этому» [51, с.369]. То есть речь идёт о высокой степени вероятности того, что внутренний публичный порядок оказывается ненарушенным.

В целом же следует признать, что разрешение некоторых вопросов о последствиях наличия иностранного параллельного процесса построено на основе вероятности. На это указывают зарубежные специалисты [21, с.368-369]. В российской доктрине эта проблематика находит отражение при исследовании вопросов доказывания процессуальных юридических фактов. Так, В.В.Ярков полагает, что в ряде случаев судебные определения действительно выносятся на основании вероятного познания (определение об отводах, об удовлетворении ходатайства о вызове свидетеля, об обеспечительных мерах) [56, с.148-149; 57, с.77-78; 40, с.17; 48, с.17]. При этом применительно к определению об обеспечительных мерах автор уточняет, что оно «может выноситься не только на основе достоверно установленных фактов»; что «вряд ли можно говорить только о вероятности как основании для применения мер обеспечения иска». Нам представляется, что то же самое положение является верным в отношении определения суда о возвращении заявления или об оставлении заявления без рассмотрения в случае наличия производства по такому же делу в иностранном суде. Большинство фактов, свидетельствующих о наличии условий для прогноза о признании потенциального иностранного судебного решения, могут быть установлены по общему правилу [45, с.58-59; 43, с.5], то есть достоверно. Некоторые из них – такие, как отсутствие нарушения публичного порядка, международная подсудность, определяемая по соглашению сторон – при наличии высокой степени вероятности полученного о них знания.

Следует обратить внимание на то, что российские процессуальные кодексы не связывают применение последствий *lis alibi pendens* при наличии уже вынесенного иностранного судебного решения с условием более раннего возникновения зарубежного процесса.

В случае же применения последствий *lis alibi pendens* при наличии незавершённого процесса за рубежом это условие приобретает правовое значение (ч. 2 ст. 406 ГПК). В части 1 ст. 252 АПК такое условие не указано, и это представляется упущением. Мировая практика, международные договоры с участием Российской Федерации, а также практика применения аналогичных последствий в рамках национальной юрисдикции свидетельствуют о том, что это условие является традиционным. Принципу хронологического разрешения конкурентных производств по-прежнему следует Регламент Евросоюза 2012 года [70, с.1-32]. В этой связи заслуживает внимания норма п. 5 ч. 1 ст. 244 АПК, которая является зеркальным отражением института *lis alibi pendens* в аспекте признания и приведения в исполнение решений иностранных судов. Эта норма, равно как и норма п. 4 ч. 1 ст. 244 АПК, предполагают, что иностранный суд применяет последствия *lis alibi pendens* с учётом имеющегося параллельного процесса в суде Российской Федерации. Можно также говорить о прямом (ст. 406 ГПК и ст. 252 АПК) и косвенном (п. 4 ч. 1 ст. 412 и п. 4, 5 ч. 1 ст. 244 АПК) регулировании *lis alibi pendens*. Желательно при этом, чтобы прямое и косвенное регулирование были адекватными друг другу, в том числе и в части выработки одинаковых условий применения последствий наличия параллельных процессов. Пункт 5 ч. 1 ст. 244 АПК (а также и п. 4 ч. 1 ст. 412 ГПК) содержит традиционное условие о приоритете ранее возникшего процесса при конкуренции незавершённых процессов.

Элементом процессуального регламента разрешения вопроса *lis alibi pendens* является определение того, кто является инициатором этого: суд или сторона в деле? Так, в законах некоторых государств прямо указывается на применение соответствующих последствий в силу официального полномочия или по ходатайству стороны на любой стадии в любой инстанции. В п.1 ст.7 Закона о МЧП Италии приостановление рассмотрения дела производится в случае, если сторона выдвинет соответствующее возражение. И далее: «Если иностранный судья откажется от осуществления своей юрисдикции, а также в случае непризнания решения иностранного суда... итальянский суд продолжает судебное разбирательство по ходатайству заинтересованной стороны» [27, с.325]. Тем самым в итальянском законе приоритет отдаётся диспозитивности.

В немецкой литературе высказывается мнение о том, что нахождение спора на рассмотрении в иностранном суде должно приниматься во внимание судьёй в силу занимаемого им положения, поскольку предотвращение коллизии судебных решений составляет интерес международного правопорядка в упорядочении правосудия. При этом уточняется, что общий подход не меняется и в тех случаях, когда некоторые международные соглашения предусматривают обязанность принять во внимание нахождение спора в иностранном суде только по ходатайству одной из сторон: судьи не должны видеть в этом препятствия для выхода за установленные пределы [51, с.374].

В этой связи обратим внимание на регулирование ч. 2. ст. 412 (в совокупности со ст. 414 ГПК) и ч. 2 ст. 244 АПК (в совокупности с ч. 12 ст. 245.1 АПК) в редакции от 29 декабря 2015 года, согласно которым если иное не предусмотрено международным договором Российской Федерации, по ряду указанных оснований в признании/принудительном исполнении решения иностранного суда может быть отказано судом также в случае, если лицо, против которого вынесено решение иностранного суда, не ссылается на указанные основания. Таким образом, суд *ex officio* устанавливает наличие таких условий для целей признания/приведения в исполнения решения иностранного суда, как: соблюдение иностранным судом при рассмотрении и разрешении дела правил исключительной международной подсудности судов в Российской Федерации; отсутствие вступившего в законную силу решения суда Российской Федерации по тождественному спору; отсутствие на рассмотрении суда в Российской Федерации дела по тождественному спору; соответствие решения

иностранного суда публичному порядку Российской Федерации. Поскольку положение публичных интересов при рассмотрении вопросов о признании/приведении в исполнение решения иностранного суда и о применении последствий наличия параллельного процесса в иностранном суде, на наш взгляд, является одинаковым, постольку указанные нормы применимы по аналогии для нужд ст. 406 ГПК.

В правоприменительной практике разрешение вопросов международной подсудности тесно связано с разрешением вопросов о подлежащем применению праве. При этом необходимо учитывать классификацию юридических фактов по отраслевому происхождению [57, с.48]. Некоторые юридические факты имеют правовые последствия и в области материального права, и в области процессуального права. Привязки международной подсудности – характерный пример тому. В этой связи возникают вопросы квалификации для реализации привязок международной подсудности – места жительства стороны, место исполнения договорного обязательства, места нахождения имущества и др.; определения применимого права; допустимости применения аналогии закона и права. Проверка международной подсудности иностранного суда при рассмотрении вопросов о последствиях рассмотрения дел иностранным судом в соответствии с российским законом осуществляется только по вопросу о том, не нарушены ли правила исключительной международной подсудности судов Российской Федерации. Международными договорами может быть предусмотрена проверка международной подсудности с точки зрения соблюдения правил международной подсудности всех её видов (как это следует из ст. 9 Киевского соглашения).

Другой важной для нас констатацией является вывод о том, что от принадлежности правового института к области материального или процессуального права зависит сама возможность постановки коллизионного вопроса [см.: 13, с.153-171, 181; 5, с.251-270], что предопределено применением в области процессуального права принципа действия *lex fori* (ч. 3 ст. 398 ГПК, ч. 1 ст. 253 АПК). Для реализации привязок международной подсудности сопутствующими вопросу собственно о допустимости применения материального права, являются вопросы о допустимости применения иностранного права, о статуте, которому подчиняется «существо» отношения (*lex causae*), и соответственно – об установлении его содержания. То есть в рамках института международной подсудности возникают коллизионно-правовые вопросы.

Анализ института международной подсудности позволяет более детально структурировать набор проблем, возникающих в этой области правоприменения и связанных с доказыванием соответствующих фактов, следующим образом:

- 1) установление наличия иностранного элемента в гражданском деле, по которому определяется международная подсудность, в том числе и при применении последствий наличия параллельных трансграничных процессов;
- 2) первичная квалификация заявленного в суд требования, исходя из основания иска и основания возражения против иска;
- 3) толкование пределов действия нормы, содержащей условия и привязки международной подсудности;
- 4) пределы применимости материального права для целей такого процессуального института, как международная подсудность.

Во-первых, само применение института международной подсудности возможно только в случае наличия в деле иностранного элемента. Во-вторых, точно также наличие в правоотношении, которое станет предметом судебной деятельности, иностранного элемента позволяет ставить вопрос о применимом иностранном материальном праве (ч. 5 ст. 11 ГПК, ч. 5 ст. 13 АПК, п. 1 ст. 1186 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК), а значит – и о допустимости квалификации заявленного в суд требования по иностранному праву.

Нарушение правил международной подсудности влечёт за собой такие ближайшие последствия, препятствующие возникновению процесса, как отказ в приёме заявления/возвращение заявления. Вместе с тем, нередко разрешение ряда проблем применения правил международной подсудности и прежде всего – квалификация заявленного в суд требования; толкование пределов действия привязки международной

подсудности – возможно только при выяснении обстоятельств спорного правоотношения, которое становится предметом судебной деятельности, в судебном заседании. Отрадно отметить, что о такой позиции свидетельствуют примеры судебной практики [65; 67].

Аналогичное положение может возникнуть и при рассмотрении российским судом дела, которое является или было предметом рассмотрения иностранного суда и в отношении которого ставится вопрос о применении последствий ст. 252 АПК, ст. 406 ГПК.

Могут проявиться и более отдалённые последствия неправильного применения того или иного правила международной подсудности. Поскольку одним из оснований для отказа в признании и принудительном исполнении решения иностранного суда является нарушение правил о международной подсудности этого суда (либо исключительной, либо любых видов международной подсудности – в зависимости от источника регулирования), то неправильное толкование и применение правила международной подсудности как раз ведёт к такому последствию [66].

Таким образом, суд, разрешающий вопрос о признании и принудительном исполнении решения иностранного суда, вправе и обязан войти в обсуждение вопросов существа дела, не пересматривая решения иностранного суда по существу (ч. 4 ст. 412 ГПК, ч. 4 ст. 243 АПК), для целей определения надлежащей компетенции иностранного суда в аспекте международной подсудности.

Существенный вопрос применения института *lis alibi pendens* – вопрос определения идентичности параллельных процессов. Его разрешение требует толкования понятия «дело по спору между теми же сторонами (лицами), о том же предмете и по тому же основанию», на которое и распространяются последствия, предусмотренные ст. 406 ГПК и ст. 252 АПК. То есть речь идёт о делах по тождественным искам с точки зрения терминологии, принятой в российской доктрине гражданского процессуального права [36, с.125-136; 37, с.120-138; 41, с.291-301], и с учётом регулирования российских процессуальных кодексов (ч. 1 ст. 39; п. 2 и 3 ч. 1 ст. 134 и абз. 3 ст. 220, п. 5 ч. 1 ст. 135 и абз. 5 ст. 222 ГПК; ч. 1 ст. 49; п. 1 ст. 148, п. 2 и 3 ч.1 ст.150 АПК). И в данном случае учитывается внешнее тождество исков. Понятно, что вопрос этот разрешается в соответствии с принципом *lex fori*. Хотя, конечно, тем самым не снимаются все теоретические и практические трудности определения тождественных исков, характерные для национальных цивилистических процессов. Достаточно отметить только неоднозначность практики российских судов по вопросу о подходах к индивидуализации иска: должна она быть фактической или юридической [64]? К ним добавляются новые – связанные с преодолением конфликта квалификаций различных государственных правовых систем в отношении идентификации параллельных дел для целей международного частного и международного гражданского процессуального права.

Установление процессуального факта вступления решения иностранного суда в законную силу для целей признания и приведения в исполнение решения иностранного суда на основании п.1 ч. 1 ст. 412 ГПК, п.1. ч. 1 ст. 244 АПК подлежит по иностранному праву – праву государства, на территории которого принято судебное решение, что является исключением из действия принципа *lex fori*. Аналогичный подход должен быть принят и для целей применения института *lis alibi pendens*, предусмотренного ч. 1 ст. 406 ГПК.

Коллизионный вопрос возникает при установлении факта возбуждения параллельного иностранного процесса: по какому процессуальному праву определяется, возбужден ли иностранный процесс и когда именно? Применение принципа *lex fori* практически не оправданно. В данном случае следовало бы признать необходимость исключения из принципа *lex fori* [29, с.229-239]. По общему правилу такое исключение должно найти отражение в международном договоре или в процессуальном законе, как это сделано, например, в п. 2 ст.7 Закона о международном частном праве Италии: «При решении вопроса о том, ожидает ли иск разрешения перед иностранным судьёй, применяется право государства, в котором было возбуждено разбирательство» [27, с.325].

Также в немецкой практике момент, с которого дело считается находящимся в производстве суда, определяется по закону суда иностранного государства [21, с.64].

Всего же обнаруживается три подхода к разрешению вопроса о праве, применимом для определения момента возникновения процесса. Первый заключается в применении по общему правилу закона суда, разрешающего вопрос о последствиях *lis alibi pendens*. Второй исходит из того, что в исключение из принципа закона суда следует применять право иностранного государства, где возник параллельный процесс. Согласно третьему [51, с.371] – требуется достижение «двойной квалификации» факта возникновения иностранного процесса по праву обеих правовых систем. Правильным представляется следовать в русле общей тенденции необходимости учёта иностранного права и вводить в национальный процессуальный закон способы такого учёта иностранного права.

Среди таких способов – введение исключения из принципа *lex fori*; или введение специального регулирования определения момента возникновения процесса именно для целей международного гражданского процесса. Полагаем, в законодательстве РФ, есть такой пример. В п. 5 ч.1 ст. 244 АПК применительно к определению отрицательной предпосылки признания и приведения в исполнение решения иностранного суда установлено следующее условие его применения: «если на рассмотрении суда в РФ находится дело по спору между теми лицами, о том же предмете и по тем же основаниям, производство по которому возбуждено до возбуждения производства по делу в иностранном суде, или суд в РФ первым принял к своему производству заявление (курсив наш – М.М.) по спору между теми же лицами, о том же предмете и по тем же основаниям». Проблема определения момента возникновения процесса возникает и в чисто внутренних процессах, когда необходимо решить вопрос о перерыве срока исковой давности или последствиях *lis alibi pendens*, связанных с преодолением конкуренции внутренней территориальной подсудности, поскольку, как известно, момент подачи (поступления) заявления в суд и принятия заявления судом (и возбуждения дела) не совпадают (ст.133 ГПК, ст.127 АПК). Причём, в соответствии с ч.3 ст.125 и п.1 ст.126 АПК при подаче искового заявления в арбитражный суд истец обязан приложить к заявлению доказательства, подтверждающие направление другим лицам, участвующим в деле, копий заявления и приложенных к нему документов (уведомление о вручении или др. документы). Аналогичная норма появится в п. 6 новой редакции ст.132 ГПК [59]. По смыслу указанных норм момент принятия заявления судом и возбуждения дела в российском цивилистическом процессе совпадают, так как с момента принятия заявления и вынесения об этом определения суда дело считается возбуждённым. Тогда в чём заключается специфика регулирования, указанного п. 5 ч.1 ст.244 АПК? Представляется – в том, что в нём предпринята попытка учесть имеющиеся национальные подходы к определению момента возникновения процесса (нахождения дела на рассмотрении в суде), как это было урегулировано в ст.30 Регламента Евросоюза 2000 года, а затем в ст. 32 Регламента Евросоюза 2012 года. Так, нахождение дела в производстве суда в одних государствах может определяться датой подачи искового заявления в суд, а в других – датой вручения искового заявления ответчику (абз.1 § 232 ГПК Австрии; абз.1 § 261 в совокупности с абз.1 § 253 ГПК Германии). С точки зрения немецкого права, подача искового заявления в суд означает «простое нахождение» дела в суде, но не нахождение дела в производстве суда (на рассмотрении суда). Пункт 5 ч.1 ст.244 АПК применим для определения факта нахождения в производстве иностранного суда на рассмотрении тождественного дела по ч.1 ст.252 АПК. Вариант регулирования ч.2 ст.406 ГПК представляется менее выгодным с точки зрения формулировки условия момента возникновения процесса, который привязывается к возбуждению тождественного дела в иностранном суде. Как указывает Х.Шак, решающим критерием для признания нахождения спора на рассмотрении иностранного суда является равноценность иностранного судебного производства, а не его спешность [51, с. 370].

Допустимыми доказательствами по делу при рассмотрении вопросов о применении последствий наличия параллельного иностранного процесса являются:

удостоверенная надлежащим образом копия решения иностранного суда; документ, удостоверенный надлежащим образом и подтверждающий вступление решения иностранного суда в законную силу, если это не указано в тексте самого решения; удостоверенный надлежащим образом документ, подтверждающий наличие процесса в иностранном суде (с учётом регулирования, определяющего средства установления аналогичных процессуальных фактов (ч. 2, 5 ст. 411 ГПК; ч. 3 ст. 242, ч. 3 ст. 243, ч. 7 ст. 245.1 АПК; п. 2 ст. 53 Минской конвенции; ст. 8 Киевского соглашения).

В тех случаях, когда для квалификации и установления процессуальных фактов необходимо применение иностранного права, возникает проблема установления содержания иностранного права (ст. 14 АПК, ст. 1191 ГК; п. 42-46 Постановления Пленума ВС РФ от 27 июня 2017 г. № 23 [61], п. 17-22 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 9 июля 2013 г. № 158 [62]). При этом институт установления содержания норм иностранного права в Российской Федерации содержит элементы концепции отношения к иностранному праву как к факту, в соответствии с которой содержание иностранного права подлежит доказыванию сторонами. Об этом свидетельствует судебная практика: п. 46 Постановления Пленума ВС РФ от 27 июня 2017 г. № 23 [61], п. 17 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 9 июля 2013 г. № 158 [62], Апелляционное определение Новосибирского областного суда от 19 июня 2018 г. по делу N 33-5990/2018 [68].

По требованиям, связанным с осуществлением сторонами предпринимательской и иной экономической деятельности, обязанность доказывания содержания норм иностранного права может быть возложена судом на стороны (ч. 2 ст. 14 АПК, ч. 2 ст. 1191 ГК). Согласно правовой позиции Верховного Суда Российской Федерации, выраженной в п. 44 Постановления Пленума ВС РФ от 27 июня 2017 г. № 23 [61], обязанность представления сведений о содержании норм иностранного права не может считаться возложенной на стороны автоматически. Возложение данной обязанности на стороны не означает освобождения суда от обязанности по установлению содержания норм иностранного права. При этом арбитражный суд Российской Федерации вправе считать содержание норм иностранного права установленным, если представленное одной из сторон заключение по вопросам содержания норм иностранного права содержит необходимые и достаточные сведения и не опровергнуто при этом другой стороной путем представления сведений, свидетельствующих об ином содержании норм иностранного права. Эта позиция применима и к установлению содержания норм иностранного процессуального и материального права для целей института международной подсудности и, в частности, субинститута *lis alibi pendens* в международном гражданском процессе.

1. Ануфриева Л.П. Международное частное право: В 3-х т. – Том 3. Трансграничные банкротства. Международный коммерческий арбитраж. Международный гражданский процесс: Учебник. – М., 2001.
2. Баулин О.В. Бремя доказывания при разбирательстве гражданских дел. – М., 2004.
3. Васильковский Е.В. Курс гражданского процесса. Т.1. – М., 1913.
4. Васильковский Е.В. Руководство к толкованию и применению законов (Практическое пособие). – М., 1997 (по изданию 1913 года).
5. Вольф М. Международное частное право / Пер. с англ.; под ред. и с предисл. Л.А.Лунца. – М., 1948.
6. Гольмстен А.Х. Учебник русского гражданского судопроизводства. – СПб, 1907.
7. Гражданский процесс: Учебник. Изд. 3-е, перераб. и доп. / Под ред. В.А.Мусина, Н.А.Чечиной, Д.М.Чечота. – М., 2000.
8. Гражданское процессуальное уложение Германии = Deutsche Zivilprozessordnung mit Einführungsgesetz: Вводный закон к Гражд. процессуальному уложению / Пер. с нем.; введ., сост. В.Бергман. – М. 2006.
9. Гурвич М.А. Гражданские процессуальные правоотношения и процессуальные действия. – Тр. ВЮЗИ. Т.3. – М., 1965.
10. Дробязкина И.В. Международный гражданский процесс: проблемы и перспективы. – СПб, 2005.
11. Елисейкин П.Ф. Гражданские процессуальные правоотношения. – Ярославль, 1975.
12. Зайцев Р.В. Признание и приведение в исполнение в России иностранных судебных актов / Науч. ред. В.В.Ярков. – М., 2007.
13. Звеков В.П. Коллизии законов в международном частном праве. – М.: Волтерс Клувер, 2007.

14. Звягинцева Л.М., Плюхина М.А., Решетникова И.В. Курс доказательственного права в российском гражданском судопроизводстве. – М., 2000.
15. Зейдер Н.Б. Гражданские процессуальные правоотношения. – Саратов, 1965.
16. Исаков В.Б. Фактический состав в механизме правового регулирования. – Саратов: Издательство Саратовского университета, 1980.
17. Клейнман А.Ф. Основные вопросы теории доказательств в советском гражданском процессе. – Л., 1979.
18. Комиссаров К.И. Задачи судебного надзора в сфере гражданского судопроизводства. – Свердловск, 1970.
19. Комиссаров К.И. Применение норм гражданского процессуального права. – Проблемы применения норм гражданского процессуального права. – Свердловск, 1976.
20. Козлов А.Ф. Гражданские процессуальные права и обязанности суда первой инстанции и процессуально-юридические факты – Сб. учен. тр. – Свердловск, 1972.
21. Кох Х., Магнус У., Винклер фон Моренфельс П. Международное частное право и сравнительное правоведение / Пер. с нем. – М., 2002.
22. Крашенинников Е.А. Юридические факты в гражданском процессуальном праве – Предмет процессуальной деятельности в суде и арбитраже. – Ярославль, 1985.
23. Курылёв С.В. Основы теории доказывания в советском правосудии. – Минск, 1969.
24. Литвинский Д.В. Признание иностранных судебных решений по гражданским делам (сравнительно-правовой анализ французского законодательства, судебной практики и юридической доктрины. – СПб., 2005.
25. Лунц Л.А., Марышева Н.И. Курс международного частного права. В 3 т. Т.3. Международный гражданский процесс. – М., 1976.
26. Марышева Н.И. Подсудность дел, осложненных иностранным элементом. – Международное частное право: Учебник / Отв. ред. Н.И.Марышева. – М., 2004.
27. Международное частное право: Иностранное законодательство: / Предисл. А.Л.Маковского; сост. и научн. ред. А.Н.Жильцов, А.И.Муранов. – М., 2000.
28. Митина М.А. Некоторые проблемы договорной международной подсудности – Актуальные проблемы гражданского процесса: Сборник статей в честь юбилея Н.А.Чечина / Под ред. В.А.Мусина. – СПб., 2002. – С.211-259.
29. Митина М.А. О понимании сущности регулирования международной подсудности: современные тенденции. – Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2010. – № 4. – С.229-239.
30. Митина М.А. Способы регулирования международной подсудности в российском праве. – Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 14. Право. – 2011. – Вып. 4. – С.43-53.
31. Муранов А.И. Международный договор и взаимность как основания приведения в исполнение в России иностранных судебных решений. – М., 2003.
32. Некрошюс В. Гражданско-процессуальная реформа в Литве. – Российский ежегодник гражданского и арбитражного процесса. № 2. 2002-2003 / Под ред. В.В.Яркова. – СПб, 2004.
33. Нешатаева Т.Н. Международный гражданский процесс: Учеб. Пособие. – М., 2001.
34. Осипов Ю.К. Элементы и стадии применения норм советского гражданского процессуального права. – Проблемы применения норм гражданского процессуального права. – Свердловск, 1976.
35. Осокина Г.Л. Гражданский процесс. Общая часть. – М., 2006.
36. Осокина Г.Л. Иск (теория и практика). – М., 2000.
37. Осокина Г.Л. Проблемы иска и права на иск. – Томск, 1989.
38. Проблемы общей теории права и государства: Учебник для вузов / Под ред. В.С.Нерсисянца. – М., 2004.
39. Проблемы применения норм гражданского процессуального права. – Свердловск, 1976.
40. Самсонова Л.С. Применение норм гражданского процессуального права: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Свердловск, 1982.
41. Сахнова Т.Н. Курс гражданского процесса: теоретические начала и основные институты. – М., 2008.
42. Светланов А.Г. Международный гражданский процесс: Современные тенденции. Монография. – М., 2002;
43. Тарбагаева Е.Б. Юридические предположения в гражданском процессе: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Л., 1983.
44. Ткачев Н.И. Законность и обоснованность судебных постановлений по гражданским делам. – Саратов, 1987.
45. Ткачев Н.И. Законность и обоснованность судебных постановлений по гражданским делам: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 1984.
46. Треушников М.К. Судебные доказательства. 2-е изд. – М., 1999.
47. Филиппов П.М. Проблемы теории судебной защиты: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. – Л., 1988.
48. Червякова С.Л. Определения суда первой инстанции по гражданским делам: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Свердловск, 1981.
49. Чечина Н.А. Гражданские процессуальные правоотношения. – Л., 1962.
50. Чечина Н.А. Норма права и судебное решение. – Чечина Н.А. Избранные труды по гражданскому процессу. – СПб, 2004 (по изданию 1961 года).
51. Шак Х. Международное гражданское процессуальное право: Учебник / Пер. с нем. – М., 2001.
52. Щеглов В.Н. Гражданское процессуальное правоотношение. – М., 1966.
53. Энгельман И.Е. Курс русского гражданского судопроизводства. – Юрьев, 1912.

-
54. Юков М.К. Структура и применение норм гражданского процессуального права. – Советская юстиция. – 1980. – № 23.
 55. Ярков В.В. Познание и доказывание процессуальных юридических фактов (отдельные вопросы). – Юрист. – 2013 – № 19. – С.54-62.
 56. Ярков В.В. Познание и доказывание процессуальных юридических фактов. – Российский ежегодник гражданского и арбитражного процесса. № 2. 2002-2003 / Под ред. В.В.Яркова. – СПб, 2004.
 57. Ярков В.В. Юридические факты в механизме реализации норм гражданского процессуального права. – Екатеринбург, 1992.
 58. Федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ – СЗ РФ. – 1997. – № 1. – Ст.1 (с посл. изм.).
 59. Федеральный закон от 28.11.2018 № 451-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». – СЗ РФ. – 2018. – № 49 (часть I). – Ст. 7523.
 60. Федеральный закон от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ – СЗ РФ. – 2007. – № 41. – Ст.4849 (с посл. изм.).
 61. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2017 г. № 23 «О рассмотрении арбитражными судами дел по экономическим спорам, возникающим из отношений, осложненных иностранным элементом». – СПС «КонсультантПлюс».
 62. Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 г. № 158 «Обзор судебной практики по некоторым вопросам, связанным с рассмотрением арбитражными судами дел с участием иностранных лиц». – СПС «КонсультантПлюс».
 63. Информационного письма Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2005 г. № 96 «Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел о признании и приведении в исполнение решений иностранных судов, об оспаривании решений третейских судов и о выдаче исполнительных листов на принудительное исполнение решений третейских судов». – Вестник ВАС РФ. 2006. № 3.
 64. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 16 ноября 2010 г. № 8467/10. – СПС «КонсультантПлюс».
 65. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 6 апреля 1999 г. № 3223/98. – СПС «Гарант».
 66. Постановление Федерального арбитражного суда Центрального округа от 9 октября 2002 г. № А14-1882/02/12/21-И. – СПС «Гарант».
 67. Постановление Федерального арбитражного суда Московского округа от 26 июля 1999 г. № КГ-А40/2255-99. – СПС «Гарант».
 68. Апелляционное определение Новосибирского областного суда от 19 июня 2018 г. по делу N 33-5990/2018. – СПС «КонсультантПлюс».
 69. Firsching K., von Hoffman M. Internationales Privatrecht. – München, 1993.
 70. Official Journal of the European Union. – L 351. – 20.12.2012. – P. 1-32.
-